

Часть первая

Лондон, ноябрь 1922 года

В крайнем волнении я отодвинул засовы.

Говард Картер, археолог

Одним слякотным серым утром, в среду, мир перестал быть знакомым и понятным. Хотела бы я сказать, что предчувствовала это, как те наделенные особым даром люди, которые улавливают в воздухе приближение грозы или загодя чувствуют приход гигантских волн, но получилось вовсе не так.

Мы с мамой сидели за завтраком, сталкиваясь коленками под нашим крохотным кухонным столом, доедая последние кусочки хлеба и смальца. Через час я уже снова буду голодная — мне все время хотелось есть. А школа всегда нагоняла на меня ужас и тоску. Так что, можно сказать, тот день начался точно так же уныло, как любой другой — пока я не увидела заголовок в утренней газете:

**«В ОДНОМ ИЗ ДОМОВ В БЛУМСБЕРИ
НАЙДЕНА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СТУПНЯ».**

— Это что, *правда*? — спросила я.

Мама просматривала внутренние страницы газеты, ища сообщения о смерти и гороскопы — эти разделы она всегда читала первыми.

— Что правда, милая?

Я ткнула пальцем в статью:

— Можно я посмотрю? — потому что это была именно такая странная история, которая может застрять у меня в голове на целый день, если я ее не прочитаю.

Мама вернулась на первую страницу и нахмурилась:

— Твой папа не пришел бы в восторг от того, что ты забиваешь голову подобными вещами, Лил, — сказала она, прочитав статью.

Это уж наверняка.

Папа желал видеть свою дочь тихой и прилежной, всегда зарывшейся носом в учебник. В общем-то, такой я *и была*, но умела проявить упрямство или разозлиться, если приходилось, — а когда живешь так, как мы, иногда приходится. Мне не очень-то удавались всякие любезности и быть опрятной в школе тоже. Потому папа не стал возражать, когда мама обрезала мне волосы портновскими ножницами. Лучше уж дочь с короткой мальчишеской стрижкой, чем с вечно растрепанными косичками.

Мама между тем так и не выпустила газету из рук.

— Ой, ну пожалуйста, позволь мне прочитать. Папы ведь тут нет, — напомнила я.

Папа ушел на работу рано, как обычно: он торговал коврами вразнос. Мама говорила, ему еще повезло найти хотя бы такую работу — после войны всем приходилось нелегко. Сама она работала в магазине «Вулвортс», и никакое количество губной помады не могло скрыть, насколько усталой она всегда выглядела. Но, по крайней мере, у нас была крыша над головой: скошенная мансардная, потому что наши комнаты находились на самом

верхнем этаже. Это весьма неплохо до тех пор, пока тебе не понадобится в туалет. Тогда приходится спускаться на четыре лестничных пролета — на задний двор, где только и остается молиться, чтобы ты не забыл туалетную бумагу и тебя не поджидали какие-нибудь кусачие крысы.

— А вот представь, что ты в траншеях, — говорил обычно Бобби Фицпатрик. Он жил в квартире на самом нижнем этаже. — У французов-то крысы были побольше поросенка, так папа рассказывал.

Мой папа никогда не говорил про войну. Но даже четыре года спустя она все равно ощущалась повсюду и всегда, словно плотный слой пыли. То и дело попадались мужчины, которые не так давно были солдатами, а сейчас просили милостыню на уличных перекрестках, потому что не могли работать: ослепшие, обожженные, без рук или ног — и это только увечья, видимые глазу. Я не раз подслушивала, как взрослые перешептывались о том, какие странные штуки выделявала с людьми война. Нам повезло: из заметных следов у папы от нее осталась только дрожь в руках. По крайней мере снаружи он выглядел вполне целым и невредимым.

Проглотив остатки хлеба, я вытерла пальцы о школьную юбку и опять попросила у мамы газету: хотелось все-таки прочитать про человеческую ступню.

Мама уступила и отдала страницу мне:

— Только быстро, не то опоздаешь.

Много времени это не заняло. Как я и подозревала, история в статье получалась весьма странная.

Как говорилось в репортаже, полиция получила вызов с некоего адреса в центральном Лондо-

не, приехала и обнаружила там на коврике у камина мужскую ступню. Все остальное тело исчезло. Пальто и шляпа пропавшего висели на обычном месте в прихожей. Полиция назвала имя этого человека: профессор Селим Ганавати, специалист по искусству Ближнего Востока.

— А куда подевался профессор Ганавати? — спросила я маму. Вряд ли он мог далеко уйти без одной ступни.

Она поджала губы:

— Этот бедняга сгорел дотла, Лилиан. Весь, целиком — кроме того, что нашли полицейские. Это называется «спонтанное человеко... — что-то там».

Даже половина названия ничего мне не объяснила. Человеческие тела не загораются сами собой.

Мама мягко забрала у меня газету:

— Ну вот, теперь ты испугалась.

— Нет, — ответила я, хотя на самом деле это меня довольно сильно растревожило, и мама, заметив это — она всегда замечала — быстро перескочила на другую новостную заметку:

— О, смотри, Лил! Этот археолог, Говард Картер, вернулся в Египет и снова начал раскопки, все ищет гробницу Тутанхамона. По-видимому, последняя попытка. Твоему дедушке будет интересно, правда?

Не будет: дедушка не желал тратить время на мистера Картера. «Тот самый проныра? — говорил он. — Без денежек лорда Карнарвона он не смог бы даже билет на поезд до Лондона себе купить!»

— Только потому, что тут про Египет, — ответила я маме.

Сказать, что мой дедушка обожал Египет — ничего не сказать. Свою сиамскую кошку он назвал Нефертити, в честь древней царицы. Он ездил туда, много лет назад, и с тех пор полюбил те места всей душой. И мне тоже передалась эта его увлеченность и очарованность — пусть даже попасть туда когда-нибудь для меня было столь же вероятно, как увидеть летающую свинью.

Целый день я не могла отделаться от этой истории с найденной ступней. Она крутилась у меня в голове во время латыни, французского, трех математик подряд и урока естествознания — как ни забавно, по горячим жидкостям. Если честно, учеба была той еще тягомотной скучищей. Я ненавидела школу — точнее, Колледж имени святой Кильды для девочек. Никакого футбола, никаких грязных ногтей, никакой игры в «каштанчики», по крайней мере на виду. Все тут были приличные и чинные — и страшно задирали нос. А вот если послушать маму и папу, то на нас прямо-таки неслыханная удача свалилась, когда пришло предложение об именной стипендии на обучение здесь: «Такая возможность, Лилиан!» «Это твой шанс на лучшее будущее!» Но уж поверьте, жизнь была куда проще и приятнее, когда я ходила в ту же школу, что все дети с нашей улицы.

Когда я тем вечером вернулась домой, свет в нашей квартире не горел. Плита была холодная. Обычно папа возвращался раньше меня, так что это было немного неожиданно. На столе стояла записка от мамы, прислоненная к солонке. У нас в семье не очень-то принято оставлять друг другу записки, так что я сразу поняла: что-то стряслось. А сжавшееся сердце подсказало, что это нечто плохое.

Проглядев записку, я заметила слова «больница» и «дедушка» и встревожилась еще больше. В больницу отправлялись только совсем тяжело больные люди. За лечение там нужно платить, и дедушка всегда говорил, что очень многие из попавших туда никогда уже больше не выходили.

Подумав, что бедная Нефертити тоже наверняка беспокоится, я сняла с крючка запасной ключ от дедушкиной квартиры. Мне не хотелось сидеть дома одной, воображая всякие ужасы. Пойду-ка я лучше покормлю дедушкину любимую кошку.

Дедушка жил через несколько улиц от нас, над своей лавочкой, в которой, судя по обшарпанной вывеске над дверью, продавались «Редкости и древности» — правда, я ни разу не видела, чтобы он продал хоть одну вещь. Внутри был настоящий кладезь карт, ваз, нераспакованных коробок и побитых плесенью турецких ковров, сваленных у стен — дедушка привез их из путешествий. Мама, впрочем, считала, что в основном это мусор и ему нужно нанять кого-нибудь, чтобы все выкинуть.

Я пробежала невеликое расстояние до дедушкиного дома с рекордной скоростью. Уже темнело, зажглись уличные фонари, а дождь, промочивший меня на пути из школы, превратился в снежную слякоть. Было необычно холодно для ноября.

Дедушкина лавка стояла запертая и темная. В его комнаты наверху имелся отдельный вход, сзади: надо было пройти через калитку и по проулку. Когда я подняла щеколду на калитке, по моим ногам мазнуло что-то теплое, заставив меня подпрыгнуть.

Нефертити бросилась вперед меня по проулку, чтобы подождать на заднем крыльце. Не сказать, что здесь было совсем темно: улицы вокруг хорошо освещались. И все же на меня напала странная робость. Мне не хотелось идти дальше — и уж точно не хотелось заходить в дедушкину квартиру.

«Не глупи», — сказала я себе. Я же была здесь всего пару дней назад, на нашем всегдашнем субботнем чаепитии. Но ведь и тот день — обычно мой любимый день недели — тоже получился странноватым.

Мы пили то, что дедушка называл, на египетский манер, «шай» — очень темный и сладкий чай из маленьких стеклянных стаканчиков. Этой привычкой он тоже обзавелся там. Нефертити, как всегда, возлежала у него на плечах, словно воротник. Я ни разу не видела, чтобы она так вела себя с кем-то другим.

— Знаешь, Лили, — начал дедушка; он единственный не называл меня просто «Лил». — Я тут подумал: мне нужно кое в чем навести порядок, и пригодилась бы твоя помощь.

Дедушка вообще часто говорил что-то неожиданное и в том числе поэтому казался мне таким удивительным и чудесным. Его ум развился не благодаря книгам и колледжам, а потому, что дедушка немало поездил по миру и это оставило на нем свой след. Никогда нельзя было угадать, что он еще придумает.

Однако в субботу дедушка кашлял — достаточно сильно и часто, чтобы я задумалась, здоров ли он.

— Навести порядок *в чем?* — спросила я, хотя по его лицу было понятно, что он говорит

не об уборке дома: он собирался написать завещание, и это меня напугало. — Ты же не заболел?

— Заболел? — фыркнул дедушка. — Ну уж дудки, я крепок, как старое седло. — Но тут же сделался серьезен: — А вот один мой друг, из давних времен, совсем плох. Он написал мне на этой неделе, впервые за много лет — его беспокоит кое-что, случившееся между нами давным-давно. Мы совершили ошибку, понимаешь ли, и он просил меня ее исправить.

— То есть это что-то вроде его последнего желания? — спросила я, потому что звучало все чрезвычайно таинственно.

— Уж надеюсь, что нет! — свирепо зыркнул на меня дедушка. — Он прислал мне кое-что прочесть; почерк ужасно мелкий, а я никак не могу найти эти свои чертовы очки.

Неудивительно — при том, насколько дедушка не любил убирать. Но уже почти пробило пять, и мне пора было уходить. Мы договорились, что я заскочу как-нибудь на днях и помогу ему прочитать письмо.

— Обещай, что ты ни словечка не сболтнешь обо всем этом своей матери, — сказал дедушка. — Ты же знаешь, как она...

— Волнуется по любому поводу? — Мы оба хорошо знали маму. Было приятно, что мне доверяют такую серьезную штуку, как тайна. Дома я отвечала только за самые обыденные вещи вроде мытья посуды после ужина или застилания постелей. А тайна — это куда интереснее. — Ни слова ей не скажу, обещаю.

— И отцу тоже, — добавил дедушка.

Я кивнула. Не то чтобы я вообще разговаривала с папой про дедушку — эти двое не обменялись ни единым словом за много лет. Это была одна из тех семейных странностей, о которых просто знаешь, хотя тебе и не рассказывают, почему все именно так.

Дедушка постучал себя по крылу носа.

— Вот и умница, Лили. Не видно дерева, сокрытого в орехе: это старинная египетская поговорка, которую стоит запомнить.

Об этом я и вспоминала сейчас, стоя у дедушкиной двери и убеждая себя не глупить. Ведь разница только в том, что сегодня вечером дедушки нет дома. Однако странный тревожный холодок не уходил. И не только я чувствовала это — кошка тоже. Одним стремительным прыжком Нефертити вскочила на стену соседского двора, шерсть ее стояла дыбом.

— Что с тобой, злючка? — спросила я.

Кошка издала этакий скулящий вой — дедушка утверждал, будто она так разговаривает. Ее никак не удавалось сманить вниз, даже кусочком шоколада, который я нашла в кармане пальто. Куда уж там кормить, если она ко мне и не подходит.

Еще более странно вел себя ключ в двери: я крутила и дергала его так и сяк, но замок не открывался. К этому времени я уже окончательно разнервничалась и была готова все бросить и уйти.

И тут увидела посылку. Почтальон оставил ее на ступеньке, за пустыми молочными бутылками. Она была довольно тяжелая, размером с обувную коробку, и завернута в коричневую бумагу, уже покоробившуюся от дождя. Имя спереди стояло

дедушкино: мистер Эзра Уилкинсон. Эзра — забавное старомодное имя, которое, как говорила мама, всегда давали мужчинам в нашей семье. Мое второе имя, Элла, настолько близко к нему, насколько может быть имя девочки.

Перевернув посылку, чтобы прочитать имя отправителя, я застыла в полном изумлении:

«ПРОФЕССОР СЕЛИМ ГАНВАТИ».

Это был тот самый умерший человек, от которого осталась одна только ступня. Но, судя по всему, он оставил и кое-что еще, на этот раз специально для дедушки.

Я сразу отправилась домой, прижимая к груди посылку и надеясь, что среди фонарей, уличного движения и людей, спешащих по своим вечерним делам, все это покажется мне чуть менее странным и жутким, — но нет. Мой разум, и без того не склонный к спокойствию, скакал туда-сюда, от одной мысли к другой, пока я шла.

Мой дедушка в молодости путешествовал по Египту, Турции, Палестине, скупая копии всяких древностей, чтобы их перепродать. Профессор Ганавати был специалистом по искусству Ближнего Востока. Так значит ли это, что профессор — *умерший сегодня* профессор — и был тем самым другом, вышедшим на связь через много-много лет, о котором дедушка рассказал мне? До сих пор он совершенно точно ни разу не упоминал о таком друге. И никогда не говорил об ошибках прошлого.

Мне не хотелось очень уж глубоко задумываться о всяких странных совпадениях. Но трудновато этого не делать, если профессор умер таким необычным образом, а теперь и дедушка заболел — и все за одни и те же сутки.

Дома мама еще не вернулась из больницы. Папа на кухне боролся с не желавшей зажигаться плитой — он не услышал, как я вошла. Я прокралась напрямик к себе комнату. Она была немногим больше чулана в конце коридора, зато вся моя, а еще в ней имелась дверь, которую в подобных случаях приятно закрыть за собой. Не снимая пальто, я села на кровать, чтобы рассмотреть сверток повнимательнее. «Это дедушкина посылка, не твоя», — напомнила я себе. Но желание заглянуть внутрь оказалось сильнее.

Я развернула посылку.

В бумаге обнаружился грубо сделанный деревянный ящичек около шести дюймов в высоту и трех — в длину и ширину¹, похожий на те, что папа приносил домой под Рождество, с бутылочкой портвейна внутри. Наверху была откидная крышка — петли и защелка заржавели, как будто ее не отпирали долгие годы. Но сейчас она открылась чуть ли не до жути легко и мягко — словно хотела, чтобы я заглянула внутрь.

Ящичек заполняла затхло пахнущая солома. Погрузив в нее руку, я наткнулась на что-то холодное и гладкое. На ощупь эта штука походила на металлическую флягу или вазу. Я вытащила ее, подняла ближе к свету — и у меня перехватило дыхание. Это уж точно была самая невероятная вещь, какую я видела в жизни.

Горловину сосуда закрывала крышка, которая никак не поддавалась, — совершенно поразительная: в форме звериной головы с длинным острым

---

¹ 15×8 см.